

Коварный преступник пытается нелегально вывезти из страны национальное достояние — редкого полосатого слона. Слон оказался морально неустойчивым меломаном. От звука флейты терял волю и имел наркотическую привязанность к рыбьему жиру. Враг, конечно, воспользовался этими слабостями. Но путь вооруженному шарикострельным автоматом бандиту преграждают двое сотрудников органов...

Или вот другая история. Встретились однажды Страус и Гриф...

И зачем я все это рассказываю? Мультфильмы смотреть надо. И «Следствие ведут Колобки», и «Крылья, ноги и хвосты», и «Обратная сторона Луны» с «Катастрофой» были сняты режиссером Александром Михайловичем Татарским. А известность его началась с пластилиновых мультфильмов: заставки к «Спокойной ночи, малыши!», «Падал прошлогодний снег», «Пластилиновой вороне».

Если бы не было Татарского, советскую пластилиновую промышленность постигло бы, наверное, неизбежное банкротство. Ведь именно он, наравне со всей малышней Союза, являлся чуть ли не основным потребителем этого детского материала. Он лепил, лепил, лепил...

Пять лет назад Татарскому надоело состоять в ТОО «Экран», где все его фильмы отлеживались на полках. И тогда взбунтовавшийся режиссер создал собственную независимую студию. Мультдетище назвали «Пилот», а Александр Михайлович стал президентом и худруком. Именно в этом качестве он и предстал передо мной в преддверии пятилетнего юбилея «Пилота», который грянет в этом апреле.

На нахальную просьбу нарисовать для «МК» автопортрет Татарский ответил вежливым отказом. Но многозначительно произнес: «Я весь в своих персонажах». А так как Татарский, на зависть Мичурину, запросто делает своими героями гибрид зайца с подушкой («Катастрофа») или помесь клоуна с мышью («Клоунада»), то вопрос о внешности героя статьи остается открытым...

— Может, формально мои персонажи — уродцы с выпученными глазами и здоровыми носами. Но если подумать — они же выразительные. Я бы не женился на красотке из журнала мод. Колобки — необычные существа, а на обычных я могу и в метро посмотреть. Это всего лишь привычки. Например, бультерьер: морда акулы, глазки маленькие. Но для меня самые красивые собаки — уродливые собаки. Красота уродства — это эстетизм. Как Феллини любит карликов, так и я их тоже очень люблю. Карлики для меня очень красивые люди.

— Значит, вы любите всех своих персонажей?

— Почти всех, за исключением пластилиновой вороны, которая не персонаж, а функция. Мужик из «Прошлогоднего снега» — это вообще как бы мой логотип. Грифа и Страуса очень люблю из «Крылья, ноги и хвосты», грузина из «Обратной стороны Луны», Колобков, которых на самом деле зовут не Колобки. Как их зовут — пока тайна. На этом этапе их зовут братья Пилоты.

— Как создаются ваши герои, может, вы их с конкретных людей пишете?

— Конечно, ведь человек не может ничего придумать, что никак не опирается на жизнь. Все равно какие-то щупальца идут от реальности, какая бы ни была фантастика или метаморфоза. Например, некоторые словечки, которые персонажи произносят, взяты из жизни. Был такой директор в Киеве, с утра приходил и говорил: «Ничего не понимаю!» Эта фраза потом оказалась у меня в «Падал прошлогодний снег»...

— Глупый вопрос: как вы придумываете?

— Я? Не знаю! Это как такси: не было ничего, а потом «щелк» — и выскакивает. Очень люблю придумывать в общении с

прививает ребенку желание немедленно врезать соседу.

— Существует мнение, что мультфильмы должны сниматься для детей, подделываясь под детскую психологию.

— Понятие «дети» для меня относительно. Дети — это до трех лет, а потом младенческое сознание уходит. У ребенка информации меньше, поэтому, конечно, фильмы должны быть адаптированы для него. Но я не верю, что существует детский фильм, который мне смотреть неинтересно, а детям интересно. Неправда, хороший детский фильм интересно смотреть всем нормальным взрослым. Поэтому, ког-

Москва, Комсомольск, — 1994. — 2 апр. — с. 2.

КРАСИВЫЕ СОБАКИ — ЭТО УРОДЛИВЫЕ СОБАКИ

кем-то, все равно с кем. Когда я один, я лениюсь. Это может произойти и в метро. Я очень люблю садиться на кольцевую линию и, никому не уступая места, ездить два-три оборота с закрытыми глазами. В Киеве, где я вырос, это был троллейбус. А на работе ничего не придумывается. Название «Падал прошлогодний снег» я придумал во сне. Фильм сначала назывался не так, было другое название, довольно хулиганское, и его запретили. Нужно было в одну ночь придумать новое. И вот во сне оно пришло. Я проснулся и в ужасе, что вдруг к утру забуду, взял, не глядя, книжку, которую положил возле кровати, на ней написал и опять заснул.

— Вам в детстве пришла в голову идея стать мультипликатором?

— Нет, в детстве я мечтал быть футболистом и играть в киевском «Динамо».

— Почему же вы не играете в киевском «Динамо»?

— Я играл в футбол с утра до ночи и ходил в группу подготовки, но моих физических данных не хватило: сердце большое. А мультипликатором я решил стать, потому что отец начал писать сценарии для мультфильмов. Хотя в детстве, наверное, какие-то задатки тоже проявлялись. Я лепил солдатиков из пластилина, знал каждого из них в лицо и по имени. Оловянных не продавалось, а мои были очень аккуратно сделаны, одеты в форму полков. Их были тысячи в коммуналке, в одной комнате. Но они оказались очень недолговечны: кто-то сел на них — нет штанов и солдатика. Это была моя самая любимая игра детства. Милитаризация, конечно...

— Как ни странно, игра в войну — вообще любимая детская игра.

— Это нормально. Я не согласен, что детям нельзя показывать мультфильмы «Том и Джерри», потому что там бьют по голове и много агрессии. Агрессия заложена в каждом человеке. Когда он смотрит такие фильмы, его эмоции выходят. А когда не смотрит — ломает на лестнице почтовый ящик. Так что пусть лучше эта агрессия стравливается через Тома, который бьет Джерри по голове. К тому же это рисунки, то есть им не больно, и это не

Александр

ТАТАРСКИЙ:

«Я нахожу

успокоение

в дурдоме»

да взрослый, не успевая в мультфильме что-то с похмелья разглядеть, говорит, что это, мол, для ребенка сложно, он сильно ошибается — это для него самого сложно. Это изобретение советской власти — вялые, скучные мультфильмы, где умный ежик рассказывает, как надо жить.

— А вас заставляли когда-нибудь рисовать такие мультфильмы?

— Да, конечно. Говорили: хватит, вы уже похулиганили, а теперь, Александр Михайлович, сделайте нам про зайцев. Был даже термин такой — «пионерская тематика». Обязательно в план студии нужно было включить мультфильм, как пионеры металлолом носили, к примеру. Я как раз хотел делать «Падал прошлогодний снег», а мне тут и говорят, что пришла моя очередь делать пионерскую тематику. Я решил довести все до абсурда и побить их же ору-

жием. Пришел на следующий день и говорю: «Хорошо, но если уж делать такой мультфильм, то я хочу делать про Ленина». Это вызвало у них легкий страх. Тогда я понял, что попал в десятку и стал развивать тему. Да, говорю, про Ленина — шарж на него нарисуем, такое смешное кино будет! Они сразу закричали: «Нет! Нет! Давайте, что хотите!» — и я снял про хвостатого мужика. Так я никогда не делал пионерскую тематику, чем очень горжусь.

— А в съемки «Прошлогоднего снега» цензура не вмешивалась?

— Если бы Стасика Садыльского из титров вырезали. Он же все роли там озвучивал.

резали картину Рубенса «Союз Земли и Воды». В ней была усмотрена порнография. На мой протест, что эта же картина висит у нас в музее, ответили: «Ну, музей... Так не все ходят, а телевизор все смотрят!»

— Все ваши фильмы очень веселые. А характер у вас такой же?

— Каждый человек защищается от сложности жизни тем, что пропускает ее через себя и как-то трансформирует. Я, например, нахожу успокоение в дурдоме, балагане. Это способ примирения с жизнью: как в алкоголизме, пьянстве, скажем. Это не значит, что в жизни я очень веселый человек, хотя когда-то и был таким. Но я не представляю себе жизнь без смешного. Так не делается искусство.

— У вас есть большое преимущество — свой стиль, который трудно кому-либо воспроизвести.

— Ну почему? Сделать трудно в первый раз, а потом можно проанализировать. Например, на телевидении есть один режиссер, который делает так, что я сам не могу понять, я это делаю или он. Причем это должно его унижать, но он почему-то не унижается. Смотрит мои фильмы на монтажном столе и говорит: «Вот так же точно сделайте». Вообще, я, как порядочный человек, должен был бы платить ему алименты. Это явно от меня дети. Мне звонят: «Мы видели твой новый фильм», — я так удивляюсь.

— Такое ощущение, что наша мультипликация процветает, если даже конкуренция существует.

— К сожалению, не процветает. Более того, здесь вообще может не выжить анимационное кино. По советским стандартам десятиминутный фильм делали девять месяцев — как ребенка. А при нашей инфляции ничего нельзя делать долго. Проще купить в Испании бананы, на которые срок годности уже кончается, и поэтому они ничего не стоят, и быстро их впарить здесь. Тогда это выгодно.

Есть страны, где не делают мультфильмы — Сомали, например. Чем больше мы скатываемся к Сомали, тем меньше шансов, что здесь будет мультипликация. Мультфильмы — для спокойного общества. Это как джаз. Джаз — действительно музыка толстых. Сказать, что мультипликацию ждет светлое будущее? Ну, мы надеемся...

Внимание! Внимание! Прочитайте и запомните: даже если вы чистите зубы раз в пятилетку, безостановочно материтесь, любите пугать старушек из-за угла, покусать пальцы в супе, сморкаться в занавеску...

Как бы чудовищно вы себя ни вели, никогда не называйте мультфильм «мультиком», а тем более «мульти-пульти». Для мультипликатора слово «мультик» — все равно что для музыканта — «лабух», — сдерживая негодование, объяснил Татарский.

Тетеньки-дикторши даже не подозревают, что, когда они произносят эти гаданые слова, по другую сторону экрана загорают от праведного гнева все аниматоры СНГова.

Не оскорбляйте мастеров искусства! Беседовала Екатерина ГОЛОВАЦКАЯ.